

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.18>

Серебрякова Юлия Вадимовна

МЕТОДОЛОГИЯ ОНТОПРОЕКТИРОВАНИЯ В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА

В статье впервые сравниваются субстанциалистский, психоаналитический, постмодернистский и личностный методы онтопроектирования в преодолении экзистенциального кризиса, приводятся базовые установки внутри каждой парадигмы, объясняющие взаимоотношения человека и мира. Анализ особенностей каждого метода позволяет прийти к выводу о возможности конструктивного разрешения экзистенциального кризиса только в рамках личностного онтопроектирования, характерного для экзистенциализма, персонализма, феноменологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/9/18.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(95) С. 83-87. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Далее на материале текстов Ю. Мисимы и К. Шмитта было показано, что именно в этом дискурсе концепт тела не выглядит органично, слишком стиснутый более глобальными для правых концептами сакрального, с одной стороны, и механического, смертоносного – с другой. В этой связи было высказано предположение о потенциальной конструктивности «возвращения» концепта тела из правого теоретического ландшафта в либертарный, куда он мог бы встроиться непротиворечиво и органично, ознаменовав собой переосмысление сценариев освобождения от власти – например, с помощью возвращения себе индивидом того, что было для него невозможным из-за заточения в герметичных рамках навязанной субъективности, сведенной к концепту тела. Вероятно, «возвращение» этой «детали» в более сообразный ей контекст позволило бы решить не только ряд теоретических, но и некоторые практические проблемы, вызывающие кризис и стагнацию акрачических проектов современности.

Список источников

1. Вульф Н. Миф о красоте: стереотипы против женщин. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 445 с.
2. Коннел Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
3. Маркс К. Капитал. СПб.: Лениздат; Книжная лаборатория, 2018. 512 с.
4. Мисима Ю. Солнце и сталь. М. – СПб.: Азбука-Аттикус; Азбука, 2017. 288 с.
5. Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015. 398 с.
6. Рахманинова М. Д. Власть как объект исследования: специфика описания, основные проблемы анализа, стратегии продуктивности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10 (84). Ч. 1. С. 147-149.
7. Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб.: Азбука, 2001. 448 с.
9. Althusser L. Ideology and Ideological State Apparatuses / Cultural Theory and Popular Culture: a reader. 3rd ed. Edinburg: Pearson Education, Ltd., 2006. 657 p.

ANARCHIST ONTOLOGY OF THE BODY: BETWEEN OPPRESSION AND FREEDOM

Rakhmaninova Mariya Dmitrievna, Ph. D. in Philosophy
Saint Petersburg Mining University
Nordseeinsel@yandex.ru

This article focuses on the outlines and specificity of the anarchist ontology of the body from the libertarian perspective, which is opposed to the Marxist tradition, on the one hand, and to the traditions of the right-wing discourse on the other hand. Within the context of the mentioned issues, the article attempts to reinterpret such phenomena as oppression, emancipation, body and subjectivity. Thus, it makes possible the reflection about the basic emancipation practices, which already exist in culture (for example, the 'body positivity' concept). In order to identify an optimal way to elaborate the specified issues, the article performs the inter-discourse analysis of the body philosophy in general (basing on Y. Mishima's essay *Sun and Steel*, which conceptually constitutes a contrasting background for clarifying libertarian conceptions).

Key words and phrases: ontology of body; anarchism; oppression; emancipation; right-wing discourse; libertarian perspective.

УДК 141.201

Дата поступления рукописи: 24.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.18>

В статье впервые сравниваются субстанциалистский, психоаналитический, постмодернистский и личностный методы онтопроектирования в преодолении экзистенциального кризиса, приводятся базовые установки внутри каждой парадигмы, объясняющие взаимоотношения человека и мира. Анализ особенностей каждого метода позволяет прийти к выводу о возможности конструктивного разрешения экзистенциального кризиса только в рамках личностного онтопроектирования, характерного для экзистенциализма, персонализма, феноменологии.

Ключевые слова и фразы: субстанциализм; психоанализ; постмодернизм; феноменология; экзистенциализм; личностное онтопроектирование; экзистенциальный кризис.

Серебрякова Юлия Вадимовна, к. культурологии, доцент
Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашикова
Julia_srebro@mail.ru

**МЕТОДОЛОГИЯ ОНТОПРОЕКТИРОВАНИЯ
В ПРЕОДОЛЕНИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА**

Вступление. Современные методы онтопроектирования

Целью философии издавна считается не только познание мира, но и онтопроектирование (взаимодействие человека-проектировщика своей судьбы и человеческого бытия как проекта). Потаённость мира (в терминологии

М. Хайдеггера), на раскрытие которой нацелено познание философа, содержит в себе просвет, подсказывающий выход из нее [17, с. 232]. Этот просвет, или путь к свободе, формируется в проекте (например, техническом, анализу которого посвящена знаменитая статья этого немецкого мыслителя «Вопрос о технике»). Таким образом, онтопроектирование, или поставленность бытия человека перед выбором пути обретения свободы, задает вектор иного будущего (например, будущего с другим, не восторженным и не инструментальным отношением к технике).

Актуальность данного исследования определяет обращение к осмыслению такого распространенного в современном обществе явления, как экзистенциальный кризис, понимаемый нами одновременно и как состояние предельной телесности и границ разума в переживании катастроф (и природных, и техногенных, и социальных), и как риск самоопределения человека в его способности принимать ответственность за свою судьбу.

Онтопроектирование, удерживающее в поле своего внимания и возможности развития человека, и способы их воплощения, в философии XX-XXI вв. заявлено в нескольких парадигмах: субстанциалистской, психоаналитической, постмодернистской и личностной (персонализм, феноменология, экзистенциализм). Заметим, что с кризисами человека, в том числе экзистенциальным кризисом, напрямую работают три последние из перечисленных парадигм, а субстанциализм [12, с. 56] рассматривает человека в мире универсально-возможного, объективируя его бытие в социальной или природной рамках. Рассмотрим подробнее возможности каждой из перечисленных парадигм применительно к разрешению экзистенциального кризиса.

Субстанциалистское направление (социальная инженерия)

В субстанциалистской философии индивидуальный выбор судьбы человека ограничивается заданностью человека не его собственными предпочтениями (желаниями, сомнениями, ошибками, мечтами), а универсально-значимым началом, управляющим миром [8, с. 38]. Мир, действительность уже оказываются одновременно и готовыми (все общественные институты сложились), и почти совершенными (всё работает). В этом мире задача человека – «вписаться» в существующий порядок и попытаться «улучшить», «дополнив» его, не сомневаясь в самой действительности.

Субстанциалистская парадигма задает онтопроектирование человека в рамках понимания его как родового, универсального и абстрактного существа. Абстрактный человек, как «высшая ступень развития живых организмов на Земле» [18, с. 414], является «субъектом социального творчества, творцом культуры и истории» [Там же]. Понятно, что такое определение человека является лишь обобщенной умозрительной схемой.

С этим понятием коррелирует определение человека как родового существа, выражающего всеобщее в человеческом бытии. Родовой человек, по К. Марксу, – это свободный человек, не только преодолевший зависимость от общества и природы, но и освоивший достижения всего (!) человеческого рода для реализации всеобщих интересов. В этой рамке онтопроектирования настораживает противоречие между «свободой от» и «реализацией для». Получается, что родовой человек как бы «выпадает» из общества, чтобы познать все его достижения, а затем «возвращается» в общество и историю, чтобы преобразовать их. Тут не только и общество, и история являются неким материалом, объектом для познания и преобразования, но и сам человек, освоивший достижения всего человеческого рода, становится объектом. Потому и другие люди, еще не освоившие достижения всего человеческого рода, видятся ему лишь худшими копиями его самого, копиями, которые необходимо улучшить.

В основании большинства определений человека как совершенного существа заложена мысль о его божественном происхождении. Именно потому, что человек – высшее существо, генетически отличающееся от всех других созданий, он является хозяином своей судьбы и творцом истории (работы И. Фихте, А. Бергсона, П. Тейяра де Шардена).

Как видим, понятия абстрактного и совершенного человека артикулируют одновременно идеализацию и особое происхождение субъекта и задают только один вектор в его онтопроектировании – улучшение, или, точнее, совпадение с идеями Блага, Разума, Мирового Духа и т.д. Если добавим к этим понятиям понятие родового человека, то получится полная картина: человек, являясь высшим существом, призван уподобиться Богу в его способности познать достижения всего человеческого рода и в его победе среди других духовных существ как самого совершенного из всех возможных. Достигнув божественного могущества, человек призван усовершенствовать жизнь общества (не важно, хотят ли другие люди этого усовершенствования).

Неудивительно, что именно в русле субстанциалистской парадигмы, базируясь на ее принципах объективизма, сциентизма и универсализма, появляется социальная инженерия, согласно которой «природу человека можно и нужно изменять в соответствии с заданными параметрами», а бытие человека «можно перекраивать согласно меняющимся интересам субъекта управления» [12, с. 520].

Последовательный критик социальной инженерии Ч. Миллс справедливо полагает, что социальная инженерия предоставляет немногочисленной элите (политической, бюрократической, промышленной) или ее представителям (менеджерам, непосредственно управляющим предприятиями) научно оправданные приемы социальной манипуляции, в то время как большинство людей становятся объектами прямого воздействия [10]. Теперь уже не столько Мировой Разум, Вселенная или Природа управляют человеком и делают за него выбор, сколько инженеры-проектировщики, научно обосновывающие необходимость усовершенствования его природы.

В субстанциалистской парадигме человек изначально является целостным, здоровым, не сомневающимся в реальности и в собственной миссии сознательным творцом, для которого кризисы вообще и экзистенциальный кризис, в частности, не только нехарактерны, но и совершенно непонятны. Как пишет Ю. М. Резник, «запрограммированное существо не способно осуществлять свободный выбор» [12, с. 39], в том числе выбор преодоления ожиданий науки и общества. Следовательно, в субстанциалистской парадигме экзистенциальный

кризис будет расценен только как досадная помеха в повсеместном и успешном (а оно не может быть иным, т.к. позитивизм планирует исключительно успех) самосовершенствовании родового существа.

Обратимся к парадигмам, постоянно анализирующим состояние кризиса: каковы там возможности и методы онтопроектирования?

Онтопроектирование преодоления экзистенциального кризиса в психоанализе и постмодернизме

Психоанализ нацелен на то, чтобы освободить человека от чувства вины и примирить с собственными желаниями посредством универсализации, сведением природного к культурной норме. Однако экзистенциальный кризис как риск самопознания и принятия ответственности за свою судьбу [14, с. 95], т.е. как предмет онтопроектирования, вообще не артикулируется таким образом в психоанализе. Психоанализ работает с желаниями Я, которые всегда оказываются заключенными в структурах символического (Я, спрашивающее себя, что оно хочет, есть Сверх-Я, задающее моральные императивы и одновременно фиксирующее болезненные переживания). Структуры символического всегда скрывают желание Я, показывая его в структурах желания Другого.

Поскольку желание Другого, т.е. выбор основания символической системы, может быть высказано в произвольной форме, постольку «становится невозможным установить истинность системы как необходимость выбора, обусловленного самой системой» [4, с. 20]. Другими словами, психоанализ «видит» только следствие, а не причину, тем более не может артикулировать экзистенциальный кризис как *возможность преодоления* травмы, утраты и ужаса.

В психоаналитических исследованиях С. Жижека, посвященных объективированной децентрированной субъективности [7], указаны два варианта работы системы символического: или причина травмы «вынесена» на ее пределы и трансцендируется, но не рефлексивруется («на всё – воля Божья»), или же каждый ее элемент должен соответствовать системе в целом, и тогда травма начинает «преследовать» человека всюду, становится тотальным насилием повседневности. Это то самое следствие экзистенциального кризиса, которое было описано нами ранее как сингулярность постоянного возвращения к переживанию утраты [16, с. 107], и именно эту сингулярность можно преодолевать сколь угодно долго, поскольку это преодоление есть работа только со следствием, «пробуксовка», а не работа с причиной. Здесь экзистенциальный кризис может быть только назван, но до его анализа и тем более преодоления еще очень далеко.

Постмодернистская парадигма начинает с критики субстанциализма: сомнение во власти метанарративов возникает от недоверия к ним в ситуации мировых войн XX века, четко обозначивших вовсе не божественное происхождение «высшего существа» и отсутствие объективного смысла в усовершенствовании природы человека [9, с. 5]. И всё же следует признать, что исследования экзистенциального кризиса, проводившиеся в рамках постмодернизма (в формах кризисов социально-экономических и политических [3], автора [1], субъекта [5], смысла [2], философии как таковой [6]), не предложили целостную систему выхода из него. Нельзя же, в самом деле, считать игру или тотальное отрицание универсальных бытийных оснований в человеческом существовании конструктивным преодолением экзистенциального кризиса: всё это «уводит» от него в сторону, однако он остаётся неразрешимым. Более того, антиметафизические проекты постмодернизма сокрушили вместе с установками субстанциализма и самого субъекта. Человек оказывается в большинстве случаев жертвой безликой системы знания-власти, а его «забота о себе» (в терминологии М. Фуко) «работает» в сравнительно спокойной ситуации (как своеобразная профилактика), но не в ситуации экзистенциального кризиса (когда мир уже обрушился).

Подводя итог нашему обзору философских парадигм, повторим следующее: субстанциалистская парадигма не признает экзистенциальный кризис, а психоанализ и постмодернизм не предлагают конкретного и конструктивного варианта онтопроектирования его преодоления. Обратимся к последней, личностной парадигме.

Личностный подход в онтопроектировании преодоления экзистенциального кризиса

Личностная парадигма акцентирует свое внимание к человеку как самостоятельному проектировщику своей судьбы [13], поскольку только сам человек, а не некая абстракция вне него определяет смысл его бытия. В экзистенциализме, феноменологии, персонализме человек рассматривается не как «готовый элемент» для «идеальной готовой системы», а принципиально как незавершенное существо, находящееся в поисках своего предназначения всю жизнь. Человек оказывается способен не только выйти за пределы наличного, данного внешними (социальными, природными) обстоятельствами бытия, но и действительно стать иным, открыть и развить в себе новые возможности.

Во-первых, субъект личностного проекта, отвечая за свой выбор в диалоге с Другим, оказывается, в отличие от Сверх-Я З. Фрейда, свободным, поскольку самостоятельно принимает на себя исполнение собственного призвания [11, с. 336]. Здесь субъективность и субъект оказываются ответственно взаимосвязаны задачей творчества смыслов. В этом контексте экзистенциальный кризис, обозначая предельную телесность переживания Ничто и границ разума, оказывается схваченным в осмыслении того, чего не хватает, или возможности (в терминологии Ж.-П. Сартра): «...возможное, которым я являюсь, не есть присутствие по отношению к для-себя как отражающее отражение, но что оно есть присутствие-отсутствие» [13, с. 135]. Отсутствие (Ничто) может быть осмыслено в личностной парадигме как возможность возвращения к присутствию.

Во-вторых, феноменологические размышления о бытии как феномене в его конечности вне идеала абсолютного существования позитивно оценивают «непроясненность», «темноту» чувства (в том числе чувств в переживании кризиса после катастрофы), опираясь на интуицию возможного (в терминологии Н. Бердяева). Эта интуиция предшествует дискурсивной логике и доказательствам научно ориентированного субстанциализма.

В-третьих, ключевое понятие философии Э. Гуссерля – интенциональность, а именно действующая интенциональность, создающая доприродное единство человеческой жизни и мира, определяет единство опыта человеческой жизни. Это крайне важно для нашего исследования противостояний экзистенциальному кризису перед лицом смерти, поскольку они не всегда могут быть вербализованы, однако опыт *преодоления* кризиса «перевести» в слова все же возможно.

В-четвертых, из признания интенциональности следует признание intersubjectивности, т.к. всякий жизненный опыт, опыт конкретного сознания, всегда оказывается связанным с опытом другого сознания. Бытие-с-другими, бытие-для-других может стать веской причиной достойного преодоления экзистенциального кризиса. Не Богочеловек, а человек, представляющий себя наравне с другими людьми, проектирует свою судьбу вместе с ними, и именно совместное будущее становится реальной мотивацией его поступков.

Выводы

Итак, онтопроектирование в преодолении экзистенциального кризиса оказывается продуктивным только в рамках личностной парадигмы.

Зеркальная точность абстрактному Идеалу субстанциальной парадигмы схематизирует человека и не позволяет ему, с одной стороны, осознать экзистенциальный кризис, а с другой – самостоятельно его преодолеть (поскольку его жизнь задана извне, идеями Мирового разума, Вселенной, Блага, Природы или убеждением социальных инженеров в необходимости усовершенствований).

Современный психоанализ, исследуя травмы и неврозы, оказывается неспособен продуктивно работать с экзистенциальным кризисом. Пациент психоаналитика обращается за помощью тогда, когда внутреннее напряжение начинает вербализоваться Сверх-Я (т.е. структурами символического). Именно поэтому невербализуемый экзистенциальный кризис «ускользает»: во-первых, он «маскируется» под желание Другого; во-вторых, произвольность этого желания задает безответственную систему «дурной бесконечности» круговой поруки следствий кризиса (субъективность без субъекта); в-третьих, в парадигме психоанализа экзистенциальный кризис не рассматривается как возможность для человека самому проектировать собственную судьбу (человек явлен здесь только как жертва обстоятельств).

Постмодернизм, констатируя кризис почти во всех формах культуры, в том числе и экзистенциальный кризис человека, не предлагает конструктивного способа онтопроектирования в его преодолении. Одно только обличение власти, манипулирующей сознанием людей, человеку, переживающему кризис экзистенции, ничем не поможет.

Следовательно, онтопроектирование преодоления экзистенциального кризиса может быть продуктивным, во-первых, не в логических схемах, а в первоначальной интуиции принятия жизни как она есть [15]; во-вторых, в самостоятельном проектировании своего будущего в диалоге с Другими и творчестве, а не ради абстрактного и безличного всеобщего Блага; в-третьих, в возвращении из Небытия катастрофы в ответственное присутствие. Это продуктивное онтопроектирование возможно только в русле личностной парадигмы (феноменологии, экзистенциализма, персонализма), что и будет конкретизировано нами в следующих публикациях.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Батай Ж. Литература и Зло / пер. и коммент. Н. В. Бунтман и Е. Г. Домогацкой; предисл. Н. В. Бунтман. М.: Изд-во МГУ, 1994. 166 с.
3. Бодрийяр Ж. Фантомы современности. М.: Алгоритм, 2016. 272 с.
4. Бушмакина О. Н. «Место»-положение *das Ding* в структуре психоаналитической реальности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2011. № 1. С. 19-22.
5. Делез Ж. Логика смысла / науч. ред. Я. Б. Толстов; пер. Я. И. Свирского. М.: Академия, 1995. 480 с.
6. Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В. В. Библихина. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
7. Жижек С. Вещь из внутреннего пространства // Жижек С. Накануне господина. М.: Европа, 2016. С. 173-218.
8. Лазарев Ф. В., Литтл Б. А. Многомерный человек: введение в интервальную антропологию. Симферополь: СОНАТ, 2001. 264 с.
9. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: АЛТЕЙЯ, 1998. 172 с.
10. Миллс Ч. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко; под ред. Г. С. Батыгина. М.: Стратегия, 1998. 264 с.
11. Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. Благовещенск: БКГ им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 344 с.
12. Резник Ю. М. Феноменология человека: бытие возможного: монография. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 632 с.
13. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии / пер. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
14. Серебрякова Ю. В. О понятии «экзистенциальный кризис» в современной философии // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. 18. № 3-4. С. 88-95.
15. Серебрякова Ю. В. Превращения метафоры экзистенциального кризиса в контексте неклассической европейской философии (часть 2) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (83). С. 161-165.
16. Серебрякова Ю. В. Экзистенциальный кризис и/или смысл? Размышления об исследовательской стратегии А. А. Пелипенко // Личность. Культура. Общество. 2017. Т. 19. № 1-2. С. 101-108.
17. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. и сост. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
18. Человек: философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. 516 с.

ONTO-DESIGNING METHODOLOGY IN EXISTENTIAL CRISIS OVERCOMING

Serebryakova Yuliya Vadimovna, Ph. D. in Culturology, Associate Professor
Kalashnikov Izhevsk State Technical University
Julia_srebro@mail.ru

For the first time the article compares the substantialist, psychoanalytic, post-modernist and personal methods of onto-designing in existential crisis overcoming. The basic settings within each paradigm that explain the relationship between the man and the world are given. The analysis of the peculiarities of each method allows the author to come to the conclusion that it is possible to resolve existential crisis constructively only within the framework of personal onto-designing, typical of existentialism, personalism, phenomenology.

Key words and phrases: substantialism; psychoanalysis; postmodernism; phenomenology; existentialism; personal onto-designing; existential crisis.

УДК 101.1

Дата поступления рукописи: 13.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-9.19>

Объектом исследования предлагаемой статьи выступает анатомический механицизм европейской культуры как сущностный и значимый императив, оказывающий влияние на ментальные модели не только медицинских практик современности или выстраивания телесности современного человека, но и почти любого феномена новоевропейской реальности. Авторы рассматривают основные позиции этого анатомического механицизма в работах Декарта и Ламетри и обращаются к анализу феномена польской механической шопки, выступающей символической конденсацией этого императива. В работах Декарта и Ламетри, так же как в «игрушках» польского мастера, авторы текста выявляют действия одних и тех же механизмов и культурных идентификационных сценариев, настраивающих ментальную оптику современного человека.

Ключевые слова и фразы: Декарт; Ламетри; механическая шопка; тело; телесность; сознание; новоевропейская культура.

Соколов Борис Георгиевич, д. филос. н., профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
sboris00@mail.ru

Шестерикова Ольга Авенировна, к. филос. н.
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург
oashe@mail.ru

ДЕКАРТ, ЛАМЕТРИ И ШОПКА

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ 18-011-01189 «Французская философия классической эпохи как национальный проект: история и самосознание».

«Для медицины, – заявляет в “Символическом обмене и смерти” Ж. Бодрийяр, – базовой формой тела является труп». И немного разъясняет этот тезис: «Иначе говоря, труп – это идеальный, предельный случай тела в его отношении к системе медицины. Именно его производит и воспроизводит медицина как результат своей деятельности, проходящей под знаком сохранения жизни» [1, с. 216]. То, что базовой формой тела и / или предельным случаем тела в отношении к системе медицины является труп, без сомнения, несколько шокирует, но в любом случае привлекает к себе пристальное внимание. Говорится в большей мере о той системе медицины, которая ныне властвует в современных развитых странах. Конечно, речь не идет о том, чтобы предостеречь нас от того, чтобы, не в меру отдавшись в руки современных эскулапов, стать этим идеальным для них, по мнению французского мыслителя, телом. Дело, без сомнения, в другом. И с этим другим стоит разобраться повнимательнее.

В настоящее время тело уже не просто объект медицины, но и объект политики, включающий в себя не столько сферу медицинского обслуживания и соответствующих исследований, которые ведутся в различных отраслях научного знания. Сейчас в большей мере тело – это рождающийся на пересечении зон социального и индивидуального (конечно, коррелирующих и взаимоопределяющих друг друга) конструкт, который собирается по тем правилам и регламентам, которые предписаны (чаще всего в нетематизированном виде) культурной ситуацией.

В этом отношении та «идеальность» телесности, о которой говорит Ж. Бодрийяр, с позиций современной медицины – уже даже не столько и не только труп (если продолжить «шаловливую» мысль Бодрийяра в нашу гипер- и медиареальность), но – гипер-труп, умерший и одновременно воскресший на «просторах» виртуального мира. Труп (или современный виртуальный гипер-труп) идеален не только тем, что пребывает в статике-неизменности или является образцом-эйдосом для нынешнего эскулапа, но и тем, что представляет собой